

И. А. Сорокина

Регламентация полевых исследований в России и представления о ней государства, ученых и общественности во второй половине XIX и начале XX веков

Резюме. Система лицензирования полевых исследований существует в России с 1889 г., когда был введен государственный контроль за раскопками на всех землях, кроме частных. Они допускались только по открытому листу, выданному Императорской Археологической комиссией. Поскольку памятник археологии при раскопках разрушается, необходимо было установить правила, регулирующие порядок их проведения. Это и явилось началом регламентации полевой археологии. Россия первой в мире наладила учет археологических исследований в государственном масштабе, этот порядок существует и сейчас. Основную роль в становлении централизованной системы контроля сыграло восприятие полевых работ как дела не только научного, но и государственного значения (административная составляющая регламентации). Тогда же, в конце XIX в., было положено начало оценке квалификации археологов, необходимой для отсеивания плохо подготовленных исследователей (научная составляющая регламентации). Становление нового порядка проходило сложно. Многочисленные общества любителей археологии восприняли государственный контроль как ущемление своих прав. Вместе с тем у научной общественности не было четкого понятия о методике полевых исследований и даже о самом предмете археологии. Принятию важных решений мешало соперничество основных учреждений, занимавшихся

Sorokina I. A. Regulation of field explorations in Russia in view of the State, scholars and society in the second half of XIX and early XX centuries. The licencing system of field archaeological research in Russia exists since 1889, when the state control over the excavation in all lands except private was established. They were allowed only on license, issued by the Imperial Archaeological Committee. Since the archaeological site is destroyed during excavation, it is necessary to regulate the latter by means of special rules. Russia became the first country in the world to organize the state control of field archaeological research. The main role in the formation of the centralized control system was played by the fact that the archaeological field work was perceived as a business of not only scientific but also national importance (the administrative component of the regulation). Since the end of the XIXth century everyone wishing to conduct archaeological excavations had to prove his qualification to get a permission (scientific component of the regulation). The formation of the new order met with numerous difficulties. Many of the local archaeological societies perceived the state control as an infringement on their rights. However, the scientific community did not have a clear idea of the method of field research, and even of the very subject of archeology. Many important decisions were blocked by the competition between the two key archaeological institutions of Russia: Imperial Archaeological Commission and the

Министерства двора. В 1917–1919 гг. это ведомство преобразовывалось постановлениями и декретами новой власти. Полевые работы (по крайней мере, официально учтенные) в это тяжелое для страны время не велись (Городцов 1924: 5), но право выдачи разрешений на них с 1918 г. перешло к новому административному органу — Отделу по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы Наркомпроса, в структуре которого имелся Археологический подотдел². РАИМК-ГАИМК, основное научное учреждение первых десятилетий советской власти, занимавшееся археологией и подчиненное опять же Наркомпросу, лишь давало для Отдела заключения по заявкам на ОЛ и научным отчетам без права решающего голоса. Только в 1935 г. после очередной реформы Наркомпроса право выдачи открытых листов было передано напрямую в ГАИМК, в 1937 г. преобразованную в ИИМК и в таком качестве вошедшую в систему АН СССР. Далее до 2009 г. регламентация полевой археологии была возложена на Академию наук. Теперь она опять перешла к госоргану при сохранении экспертных функций научного учреждения (ИА РАН). Таким образом, все вернулось на круги своя, и тот этап установления организационных отношений и разграничения полномочий между наукой и властью, который предстоит сейчас, уже не нов и был пройден по крайней мере два раза: на заре российской полевой археологии и с 1917 по 1937 г.

Обобщение опыта всегда полезно, что и побудило нас к написанию этих заметок. К тому же, поддерживая контакты со многими российскими археологами новых поколений, пришлось убедиться в том, что сама необходимость регламентации сейчас подвергается сомнению. Однако представляется, что, наоборот, в эпоху разгула коммерческих интересов и хищнического передела земли именно отсутствие регламентации погубит все, что не успели разрушить неграмотные «археологи» XVIII–XIX вв. и грандиозные строительные проекты советской эпохи. Тем более важно понять, как и почему она возникла и как стала основой организации российской полевой археологии на столь долгий период. В данном случае мы ставили задачу не столько обнародовать какие-то новые данные (эта лакуна сейчас успешно восполняется многими историографическими работами), сколько упорядочить их, увязать в единую линию цепь событий, отражающих процесс становления и действия регламентации полевой археологии в России.

Что такое регламентация полевых археологических исследований.

В результате раскопок памятник полностью или частично уничтожается. В цивилизованных странах, где ставится задача сохранения археологического наследия, рано или поздно возникает осознание необходимости правил, регулирующих порядок проведения археологических работ с целью максимально полного извлечения информации при раскопках и разведках. Не менее важно и определение принципов последующих действий с полученным археологическим материалом: хранение находок и полевой документации, введение результатов полевых исследований в научный оборот. Надо отметить, что второй аспект обычно обозначается раньше первого — независимо от качества своих

² Создан в мае 1918 г., до октября 1926 г. возглавлялся В. А. Городцовым.

раскопок каждый исследователь беспокоится о научном приоритете и хочет, чтобы это право было поддержано научным сообществом и государством.

Рано или поздно появляется стандарт, определяющий квалифицированный подход к получению информации о памятнике и ее представлению (в отчете, публикации и т. д.). Он складывается из методических требований при проведении разных видов полевых работ и норм, определяющих права и обязанности исследователя в процессе полевых изысканий, обработки материала и его последующего использования. Возникает регламент действий, которому должен следовать археолог для соответствия этому стандарту. Регламент поддерживается различными разрешительными и инструктивными документами, принятыми как государственными и административными органами, так и научными учреждениями.

Имеются учреждения, на которые государство возлагает контроль за соблюдением установленных норм и за допуском к полевым работам, т. е. регламентацию их. В России эта система действует 120 лет. Наше государство первым в мире наладило учет археологических исследований в государственном масштабе уже во второй пол. XIX в., благодаря чему и сейчас удается сохранить значительную часть археологического наследия и обеспечить поступление информации в единый центр хранения³. Регламентация позволяет получать данные о характере, качестве и объеме полевых исследований, некоторым образом контролировать состояние памятников археологии.

Об изучении системы регламентации. Несмотря на то что описанная система в России существует давно, специальным исследованиям ни она сама, ни процесс ее становления и функционирования не подвергался. Причины этого:

До Октябрьской революции регламентация была ограничена формами собственности и действовала только на казенных, ведомственных и общественных землях. Кроме того, она часто встречала сопротивление повсеместно возникавших краеведческих и научных обществ, воспринимавших ограничения как ущемление своих прав в бесконтрольном распоряжении памятниками и находками и не желавших их признавать. В этих условиях было не до обоснований и изучений. У ИАК была основная задача — внедрить и заставить подчиняться, чтобы спасти памятники от неграмотных и откровенно грабительских раскопок.

• После установления советской власти и до середины 1930-х гг., с одной стороны, подвергалось сомнению само право археологии на существование как самостоятельной науки (Всероссийское совещание 1932: 1–6), с другой — шла административная борьба между учреждениями (ГАИМК и Отдел музеев Наркомпроса) за право управления полевой археологией. Система регламентации при этом воспринималась как административное установление, требующее исполнения, а не изучения, хотя такие руководившие тогда археологией в Москве и Ленинграде «старые специалисты», как В. А. Городцов и Н. Я. Марр,

³ Центры, естественно, с течением времени и под влиянием обстоятельств менялись: архив ИАК, вошедший как отдельный фонд в Рукописный архив ИИМК РАН, другие фонды архива ИИМК, куда сдавались материалы до начала 1940-х гг., с 1945 г. — научный архив ИА РАН. Главное — материалы по раскопкам и разведкам за 120 лет сохранились и доступны.

прекрасно понимали, что это единственное средство для того, чтобы что-то спасти в условиях тотального разрушения.

- После Великой Отечественной войны и до начала 90-х гг. XX века право выдачи открытых листов прочно закрепилось за Академией наук СССР. Механизм действия системы был настолько отлажен, что воспринимался как нечто, само собой разумеющееся и всегда существовавшее. Причины и обстоятельства ее возникновения не только не были известны, но и не вызывали интереса.

- После распада СССР начался «парад суверенитетов», субъекты РФ приобрели большую самостоятельность (многие автономные округа и республики — впервые). Централизованная регламентация стала восприниматься как иго, на нее стали нападать как на устаревшую традицию, не понимая сути. Многим и в голову не приходило, что это явление возникло не без причины, что оно имеет свою историю, которую полезно изучить, чтобы не повторять ошибок.

Принятие в 2002 г. федерального закона № 73 «Об охране культурного наследия (памятников истории и культуры народов РФ)» всколыхнуло российскую археологическую научную общественность, поскольку возник вопрос о дальнейшей судьбе системы регламентации. При этом обнаружилось, что с историей вопроса общественность знакома плохо, поскольку до сих пор важен был результат, т. е. получение ОЛ, а не истоки явления. Публикации на эту тему практически отсутствовали, извлекать информацию надо было по архивам. Восполнить этот пробел сейчас необходимо, так как от свойств системы регламентации зависит, в конечном итоге, судьба всего археологического наследия.

Источники. Существует множество архивных документов и иных источников, проливающих свет на проблему. Огромное значение имеют документы, находящиеся в Рукописном архиве ИИМК РАН (далее РА ИИМК). Это материалы о деятельности Министерства внутренних дел и Министерства Императорского двора по надзору за археологическими изысканиями в России; документы ИАК и сменивших ее после февраля 1917 г. учреждений; ведомственные циркуляры, постановления и многое другое (Пескарева и др. 1980: 87–88). Большой блок информации по 1918–1941 гг. содержится в Отделе письменных источников ГИМ. Здесь сосредоточены документы Отдела по делам музеев Наркомпроса, Археологической комиссии ГУС и других учреждений первых десятилетий советской власти.

Вопросы регламентации полевых исследований в России и методики их проведения обсуждались на Археологических съездах в конце XIX — начале XX в. (Труды I АС 1871; Труды II АС 1876; Труды III АС 1878; Труды XIV АС 1911; Труды XV АС 1911). Создавались комиссии по выработке методических положений, происходили дискуссии по этой теме. Обсуждались также вопросы охраны археологического наследия, состояния коллекций. Можно сказать, что благодаря съездам к началу XX в. у российского археологического сообщества сложилась определенная сумма взглядов на полевую археологию как неотъемлемую часть науки и практики.

Основные вехи становления системы обозначены в советской и постсоветской литературе по полевой археологии и историографии, включая учебники.

Они известны специалистам достаточно широко. Правда, ссылки на архивный первоисточник, как правило, отсутствуют, особенно в изданиях советского времени. Поэтому первоначальный текст документов подавляющему большинству археологов неизвестен, хотя он очень интересен и выразителен. Некоторые тексты прекрасно проанализированы в тематических публикациях (Васильева 2000; Пескарева 1980; Пескарева и др. 1984; Платонова 1989; Тихонов 2008; Тункина 2002 и т. д.). Иные частично опубликованы (Охрана 1978). Однако большая их часть еще не введена в научный оборот. Особо следует отметить раздел в фундаментальном двухтомном издании ИИМК РАН «Императорская археологическая комиссия (1859–1917)», полностью построенный на архивных источниках и восполнивший многие пробелы в изучении ранних периодов процесса регламентации (ИАК 2009: 21–247).

Место регламентации полевых исследований в представлениях государства и общества о культурном наследии. Регламентацию часто отождествляют с охраной археологического наследия. Это разные вещи. Разумеется, если есть принятые нормы и правила проведения полевых работ, которые регулируются специальными документами, утвержденными уполномоченными инстанциями, они объективно способствуют охраняемым мероприятиям. Но их недостаточно: нужно государственное законодательство об охране культурного наследия в целом. Регламентация полевой археологии — это практическое воплощение такого законодательства в определенной его части.

Второе распространенное ошибочное представление — отождествление регламентации с разработкой методики ведения полевых работ. Установление методических норм — только часть процесса регламентации, хотя и очень важная и также способствующая сохранению археологического наследия. Реальный шаг к его охране делается тогда, когда не просто вырабатываются и принимаются прогрессивные полевые методики, но и возникает идея об обязательности повсеместного внедрения их в практику. Сколь бы ни были хороши методические нормы, они не будут соблюдаться всеми при отсутствии порядка, обязывающего исследователей это делать, и механизма контроля за этим процессом. Это и есть область регламентации. Таким образом, получается, что установление системы для таковой — признак зрелости общества и государства в отношении археологического наследия.

Практическое осуществление регламентации в России. Действующая в России, как уже отмечалось, 120 лет система регламентации основана на выдаче специальных документов — открытых листов, дающих право на ведение полевых исследований определенного вида (раскопки, разведки) конкретному лицу на обозначенной территории. Выдача ОЛ производится на основе:

- 1) научной экспертизы отчетов о проведенных полевых работах, т. е. установления квалификации исследователя, качества примененной методики, полноты полученной информации и качества ее представления в отчете;
- 2) анализа заявок на полевые работы, т. е. определения необходимости последних в каждом конкретном случае с учетом состояния памятника, планов и сроков работ, степени подготовленности к ним и ряда других факторов.

Анализ и экспертиза позволяют установить сам факт необходимости выдачи ОЛ, определить его форму, вид работ (раскопки, разведки) и, соответственно, права и обязанности исследователя в процессе этих работ. Эти действия производятся научным экспертным советом, состоящим из специалистов с полевым опытом, на основании регламентирующих документов («Инструкций» и «Положений» — см. ниже), а также большого опыта и знания ситуации в регионах.

Документы, регламентирующие полевые исследования. Помимо государственных и ведомственных законов и постановлений есть два типа регламентирующих документов независимо от их названия («Инструкция», «Положение», «Правила», «Регламент» и т. д.). Со второй половины XIX в. они начинают сопровождать процесс становления государственной системы регламентации полевой археологии.

1. «Инструкции» разъясняют методы работ, требования к полевой документации и т. д. Цель — привести не всегда грамотные раскопки в соответствие с научными методами. Расширенный вариант инструкции представляет собой пособие или методическое руководство.

2. «Положения» устанавливают правила допуска к полевым работам, права и обязанности проводящих их организаций и лиц.

«Инструкции» появились гораздо раньше «Положений», еще до введения ОЛ. Они ведут начало от указаний по собиранию данных о древностях Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева, составленных в XVIII в. (Тункина 2002: 32; Записка 1851; Труды III АС 1878: LXIX–LXXIII). Документы, определяющие порядок организации полевых работ после введения ОЛ, выполняют функцию «Положений», что обусловлено необходимостью укрепления системы государственного контроля за полевыми работами. Хорошо известные методические пособия конца XIX — начала XX в. (Самоковсов 1878, 1908; Спицын 1895, 1908, 1910; Городцов 1911, 1914) относятся к «Инструкциям», хотя и не утвержденным официально, но так или иначе принятым археологическим сообществом, во всяком случае, усвоенным лучшей его частью. Документы 1918–1926 гг. определяют порядок выдачи ОЛ и контроля за полевыми работами в новом государстве, т. е. являются «Положениями». С 1927 г. начинается смешение «Положений» и «Инструкций» в одном документе, новая редакция которого сообразно потребностям времени появляется в среднем раз в 6–7 лет. Многие пункты в нем долгое время повторяются как не утратившие значения, часть устаревает, но делаются и существенные дополнения и изменения.

Две составляющие процесса регламентации. Открытый лист и в XIX в., и теперь — разрешительный административный документ, дающий его держателю право на определенные действия в отношении археологических памятников; это право опять же с XIX в. должно подтверждаться региональной администрацией, как тогда говорили — «местными начальствами». Но ОЛ выдается только при соблюдении определенных условий, прежде всего — подтверждения способности данного исследователя работать в поле с определенными памятниками на должном методическом уровне; а это уже степень образования и научного знания. Таким образом, процесс регламентации изначально имеет

две составляющие — административную и научную. Административный аспект обусловлен государственным законодательством и включает права и обязанности исследователя по сохранению памятников и информированию о них органов охраны и государственной власти. Научный связан с оценкой квалификации исследователя, его научной репутацией и тоже предполагает обязанности — добросовестное извлечение и представление информации о памятниках. Последнее не менее важно, чем первое, поскольку в ходе раскопок памятники уничтожаются. Остается информация, зафиксированная в отчете. Ее состав и качество зависит от навыков археологов и требований к научным отчетам. Как бы хорошо не был раскопан памятник, он потерян для будущих поколений, если отчет не содержит необходимой информации.

Оба этих аспекта определились уже в самом начале процесса становления системы регламентации, т. е. в середине XIX в. Они определяли деятельность по регламентации в ИАК и сменивших ее в 1917 г. после Февральской революции и установления советской власти учреждениях (РАК, РГАК). Сохранились они и позже, но были разделены. С 1919 г. научно-квалификационная оценка полевых работ и заявок на новые исследования производилась в РАИМК-ГАИМК, административная же функция перешла к Отделу музеев Наркомпроса (далее в этом ведомстве ее последовательно осуществлял ряд учреждений). С 1935 г. обе составляющие вновь соединились в ГАИМК, потом вместе перешли к АН СССР.

Условия возникновения системы регламентации полевых исследований в России. Попробуем проследить процесс с самого начала, посмотреть на то, какие идеи и действия его направляли. Будем придерживаться двух линий: государственные мероприятия (естественно, подготовленные как деятельностью отдельных лиц, так и общественным сознанием) — общественное восприятие (и как реакция на действия — или бездействие — государства, и как подготовка следующего этапа государственных мероприятий).

В 1869 г. на I Археологическом съезде историк С. М. Соловьев отметил, что «сохранением памятников старины всюду заведуют правительство и общество. Общество с ранних пор идет на помощь правительству: сначала частные лица, а потом, при высшем развитии общества, и целые общества», причем Россия, по его мнению, этой высшей ступени достигла (Труды I АС: XLVII). Поэтому вполне естественно, что во второй половине XIX — начале XX в. наблюдаются действия этих двух сил, но методы и приоритеты разные.

В менталитете образованной части российского общества того времени отсутствовало сколько-нибудь четкое представление о мерах, необходимых для охраны археологического наследия. Ясно было только то, что древности уничтожаются и их надо сохранить. Более того, проявлялся определенный идеализм. На открытии I Археологического съезда граф А. С. Уваров говорил о разрушении памятников и бездействии законов и указывал на образование и научное знание как на основные средства охраны. «Став наряду с другими науками, русская археология приведет в известность все наши памятники, установит правильные приемы к открытию и исследованию их, составит им список с историко-топографическими описаниями, и тогда, благодаря такому содействию науки, наши памятники старины, спасенные от забвения, будут

также спасены и от разрушения» (Труды I АС: XXX). Но в неграмотной тоталитарной стране едва ли следовало полагаться на правильное развитие менталитета (таковой и до сих пор не развит). Нужны были жесткие административные меры и действенное законодательство, по крайней мере до той поры, пока не сформировалось соответствующее отношение к древностям. Поэтому вмешательство государства и различных ведомств было тем более необходимо.

Профессиональных археологов в то время практически не существовало, к таковым причислялись специалисты в разных исторических дисциплинах, коллекционеры, знатоки древностей и просто любители. Такой пестрый состав исследователей predetermined нечеткость представлений. Особое место занимали чиновники высокого ранга, просвещенные коллекционеры и любители древностей, стоявшие у истоков регламентации: М. С. Воронцов, Л. А. Перовский, С. Г. Строганов, А. А. Васильчиков, А. А. Бобринский. Они, если так можно выразиться, использовали служебное положение и сумели направить процесс в государственное русло.

Вопросы охраны, методики и регламентации в то время смешивались, поэтому мы будем отмечать любые шаги, направленные на упорядочивание полевой археологии. Развитие методики в данном случае — тоже шаг к регламентации, поскольку оно обеспечивало развитие научной составляющей.

Предпосылки к созданию системы регламентации Со стороны государства:

1. Деятельность Статистических комитетов в системе Министерства внутренних дел с первой половины XIX в. В их обязанность (наряду с иной статистикой) входило подробное описание губерний и в «историческом отношении», т. е. учет памятников, в том числе и археологии. Поэтому позже одно из первых обращений ИАК в государственные ведомства по поводу учета археологических памятников было направлено именно Статистическим комитетам (РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 3).

2. Комиссия для исследования русских древностей графа Л. А. Перовского. Работала в 1851–1856 гг. в системе МВД, потом Министерства императорского двора. В 1851 г. Л. А. Перовским составлены «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», безусловно, пригодные для более широкого применения. Цель — контроль за полевыми исследованиями, производимыми за счет казны, и спасение памятников от разрушения неграмотными раскопками. «Правила» согласованы с наместником Кавказа, генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии графом М. С. Воронцовым и утверждены как обязательные к исполнению императором Николаем I в 1852 г. (РА ИИМК. 1851. Ф. 6. Д. 179. Л. 13). Они содержат вполне современные методические требования, включая составление научных отчетов о раскопках. Этот документ — с одной стороны, административное распоряжение, с другой — основа научной составляющей регламентации и персональной квалификационной оценки археолога, что и будет впоследствии закреплено системой выдачи ОЛ.

3. Строгановская комиссия. Работала под руководством графа С. Г. Строганова в 1857–1859 гг. в системе Министерства Императорского двора. Помимо составления официальных документов о раскопках в Керчи (в частности,

об охране ценных находок от расхищения во время раскопок — РА ИИМК. 1856–1857. Ф. 14. Д. 6), через прессу Комиссия начала обращаться «как к местным начальствам, так и к частным лицам» с объявлением о необходимости сбора информации об археологических находках и сдаче их в Комиссию за вознаграждение. Впоследствии эту форму работы продолжила ИАК. Такие обращения сыграли положительную роль в формировании менталитета российского общества в отношении древностей.

Со стороны общества:

1. Образование первых организаций, объединяющих любителей древностей: 1839 г. — Одесское общество истории и древностей (ООИД); 1846 г. — Русское археологическое общество (РАО, СПб); 1864 г. — Московское археологическое общество (МАО). Подобные общественные институции во второй половине XIX в. возникли во многих губерниях Империи.

2. Первые регламентирующие документы. 1843 г. — «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей»; 1851 г. — «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей» (Тункина 2002: 634–635, 637–638) оба документа разработаны ООИД по поручению генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии графа М. С. Воронцова. Они ознаменовали начало административного контроля за раскопками на Юге России. 1851 г. — «Записка для обозрения русских древностей», составленная членом РАО И. П. Сахаровым (Записка 1851). Это очень краткое методическое пособие, позволяющее в государственных масштабах использовать любительский интерес для сбора сведений о памятниках древности. Предназначалось оно местному духовенству, земской интеллигенции, помещикам. «Записка» имела лишь рекомендательный, а не обязательный характер. Но ее появление — шаг к укреплению научной составляющей регламентации. Именно ее ИАК длительное время рекомендовала получателям ОЛ.

Итоги. С середины XIX в. интересующаяся древностями часть российского общества определенно стремится к объединению и осознает необходимость неких правил подхода к полевым исследованиям. С другой стороны, представители государственной администрации, сами любители древностей и коллекционеры, понимают, что спасти эти древности (от разграбления как прямого, так и под видом научных раскопок) и сохранить информацию о них можно только официальной регламентацией в приказном порядке. Так с самого начала закладываются две составляющие регламентации: административная и научная.

Первый этап становления государственной регламентации и разработки методических основ полевой археологии в Российской империи (1859–1888 гг.)

Со стороны государства:

1. Создание Императорской Археологической комиссии. 1859 г. — указ императора Александра II о создании ИАК в системе Министерства Императорского двора. В основе — принципы работы комиссии Л. А. Перовского и Строгановской комиссии. Полномочия ИАК — не только учет памятников, но и контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности» (РА ИИМК. 1859. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 50).

2. 1860–1880 гг. Деятельность ИАК, направленная на получение поддержки различных государственных ведомств (МВД, Синод, Министерство государственных имуществ и т. д.) в вопросах учета памятников, прекращения их разграбления, организации исследований в случае разрушения (например, при строительстве железных дорог). Результат — рассылка ведомственных циркуляров и распоряжений, направленных губернаторам, духовенству, местным статистическим комитетам, инженерам и строителям и т. д.

3. 1876 г. Особой комиссией для обсуждения предложений о мерах к охранению памятников старины при Министерстве народного просвещения под руководством князя А. Б. Лобанова-Ростовского подготовлен «Проект правил о сохранении исторических памятников» на основе принципов, обсуждавшихся на археологических съездах (см. ниже). Это еще далеко не охранное законодательство — по причине расплывчатости понятий о памятниках в то время. Проект реализован не был из-за отказа Министерства финансов в средствах. Существовала, конечно, и другая причина — огромная часть памятников находилась на частных землях, а затрагивать интересы собственников государство не собиралось.

Со стороны общества:

1. Обсуждение общих вопросов. Что такое археология? Что такое археологические памятники и как их спасти? Что делать для распространения археологических знаний? Эти вопросы очень волновали российских ученых и общественность XIX в. и поэтому сразу стали центральными в дискуссии (наряду с состоянием архивного дела), как только представилась возможность их обсудить на общероссийских Археологических съездах, с инициативой проведения которых выступило МАО. Они были основными на трех первых Археологических съездах: в 1869 г. в Москве, в 1871 г. в Санкт-Петербурге, в 1874 г. в Киеве. Так широко и плодотворно эти вопросы обсуждались впервые. Это очень важно, поскольку не только развивало науку в целом, но и готовило почву для государственных решений.

2. Вопрос об охране памятников археологии. В 1869 и 1871 гг. на I и II съездах выработан «особый проект относительно сохранения памятников старины» для представления правительству. Понятие «археологический памятник» трактуется широко и мало связано с нашими представлениями о памятнике археологии. А. С. Уваров отметил в прениях: «Я полагаю, что можно принять более обширную задачу археологии и рассматривать ее как учение о древнем быте человека, обнимающее исследование всех памятников, какого бы рода они не были» (Труды III АС: XIX).

3. Вопрос о методике полевых археологических работ. Эта проблема была обозначена и раньше в документах и ООИД, и РАО, и Л. А. Перовского. Вопрос о необходимости совершенствования методики и о разработке соответствующих инструкций был поставлен в 1869 г. на I съезде. В 1874 г. III Археологический съезд единогласно принял «Инструкцию для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», составленную специальной комиссией при консультациях с ведущими археологами (Труды III АС: LXIX–LXXIII). И все-таки ученые обращаются в основном к «вещественным памятникам», коллекциям. Преподавание археологии предполагается вести именно на их основе, без посредства полевой практики.

Итоги. Ко второй половине 1880-х гг. признан приоритет ИАК перед остальными занимающимися древностями институциями как правительственного учреждения с довольно значительными правами и средствами. Это выразилось в Постановлении Государственного Совета по представлению Министерства народного просвещения «Об утверждении Устава и штата Исторического музея» (РА ИИМК. 1887. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69). Развивалась административная составляющая. Шла работа по созданию еще не регламентации, но определенного порядка в производстве полевых работ. Эти действия объективно были направлены на создание единой системы государственного контроля и учета в области полевой археологии. В то же время общественность и наиболее известные ученые обсуждали ключевые вопросы археологической науки. Без этого, конечно, не могло быть и речи о каких-либо действенных мерах в отношении археологического наследия. Но сказывалась некоторая ограниченность менталитета: археология воспринималась как личное дело каждого, кто пожелает ею заняться. На съезде 1874 г. Инструкцию даже толком и не обсуждали. Как отмечал в 1908 г. один из ее авторов, Д. Я. Самоквасов, большинство людей, проводивших раскопки, тогда и после не считало ее для себя обязательной (Самоквасов 1908: 13).

Второй этап становления государственной регламентации и разработки методических основ полевой археологии в России (1889–1917 гг.)

Со стороны государства:

1. 11 марта 1889 г. Указ императора Александра III об установлении единого контроля за археологическими раскопками на казенных, ведомственных и общественных землях и за реставрацией монументальных памятников, возложенного на ИАК, и об утверждении разрешительного документа — открытого листа. Возникло большое сопротивление подобной централизации. Региональные Общества, в том числе РАО и МАО, восприняли это как ущемление своих прав (Тихонов 2008: 41–44).

2. Апрель 1889 г. Совещание ИАК с представителями российских археологических Обществ и иных учреждений (РА ИИМК. 1887. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 126–145). Утверждена форма ОЛ, выдаваемого как по заявке исследователя, так и по заявке организации при условии исполнения всех требований к предыдущему ОЛ. В основу программы ИАК, вынесенной на обсуждение Совещания, были положены записки ее членов Н. И. Веселовского и А. А. Спицына (РА ИИМК. 1893. Ф. 1 Оп. 1. Д. 200). В них идея системы регламентации изложена очень четко. Эти документы можно считать первыми проектами настоящего Положения об ОЛ. Не останавливаясь на содержании, отметим, что многие пункты включались в инструктивные и регламентирующие документы к ОЛ, выпущенные ГАИМК-ИИМК до послевоенного периода, причем вначале — почти в тех же формулировках. Особенно это касается записки А. А. Спицына, озаглавленной «Правила, на основании которых ИАК разрешает производство раскопок на землях казенных, общественных и подведомственных различным учреждениям». Присутствуют они в осовремененном виде и сейчас. Таким образом, можно сказать, что А. А. Спицын был одним из основоположников современной регламентации.

округа, подведомственные археологическим Обществам (Окружным Обществам), привлекающим для практической работы местные общественные организации (архивные комиссии, церковные историко-археологические общества и т. д.), а также представителей государственных организаций, ответственных за памятники (МВД, Синод и пр.). Такой подход был сходен с идеями, выдвинутыми на Совещании 1889 г. Предлагалось даже создание для общегосударственного контроля вневедомственного правительственного учреждения, объединяющего как ведомства, по закону ответственные за охрану памятников (в том числе ИАК), так и Окружные Общества. В 1911 г. МАО публикует «Проект закона об охранении древних памятников в России», основанный на положениях, выдвинутых на съезде (Проект 1911).

2. Вопрос о методике полевых археологических работ. Если на первом этапе вопрос обсуждался, но не получил реального воплощения (кроме самой общей инструкции на бумаге), то теперь, с ростом количества исследований, появляется другой оттенок: наиболее прогрессивные ученые осознают необходимость обязательных мер для повышения качества раскопок. Это выражается как в написании настоящих методических пособий (Самоковасов 1908; Спицын 1895, 1908, 1910), так и в попытках разработать единую, а главное, обязательную для всех инструкцию. Это могло бы задать стандарт достаточной квалификации исследователя для допуска его к полевым работам. При уже налаженной системе выдачи ОЛ принятие такого документа было бы завершающим шагом в становлении системы регламентации. Что же было сделано в этом направлении?

На заседании Предварительного комитета XIV Археологического съезда в 1906 г. (Труды XIV АС: 8–9) Э. Р. фон Штерн (представитель ООИД и Новороссийского университета) заявил о желательности выработки «общих единообразных Правил при производстве исследований путем раскопок». Этот вопрос «живо обсуждался» на Международном археологическом конгрессе в Афинах весной 1905 г. Э. Р. фон Штерн отметил, что «у нас он имеет капитальное значение, так как при отсутствии выработанных правил производства раскопок неопытные археологи слишком часто лишь портят археологические памятники». Показательно обсуждение этого предложения. В целом оно было поддержано, но А. В. Новицкий (МАО) и А. С. Раевский (Русское Библиографическое Общество) сочли такую работу ненужной, поскольку всё о методике есть в трудах Л. Нидерле и А. А. Спицына. Однако эти работы представляли собой лишь пособия, не обязательные к применению. Таким образом, имела место недооценка необходимости постановки этого вопроса именно на съезде, т. е. придания ему общероссийского статуса, а это уже существенная часть регламентации.

Тем не менее далее возникла переписка МАО «с теми лицами и учеными, которые известны в русской науке своими раскопками» (Труды XIV АС: 49). Это А. В. Адрианов, Н. И. Веселовский, В. А. Городцов, Д. А. Клеменц, Ю. А. Кулаковский, С. К. Кузнецов, В. В. Радлов, В. В. Хвойка, Э. Р. фон Штерн, Б. В. Фармаковский. В ответ на просьбу изложили свои взгляды по методике только Н. И. Веселовский и Э. Р. фон Штерн. Однако, по мнению главного организатора дискуссии П. С. Уваровой, «вопрос этот <было> возможно двинуть и дальше, учитывая появившиеся с 1906 г. издания о раскопках». Она

имела в виду «Журнал раскопок» Н. Е. Бранденбурга и «Могилы русской земли» Д. Я. Самоквасова, но упомянула и «новоизданную брошюрку» члена ИАК А. А. Спицына «Археологические разведки» (Спицын 1908). Это презрительное название — «брошюрка» — тоже показатель отношения к делу. В трудах Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова представлена отнюдь не методика, а научные рассуждения и выводы. При такой уничижительной оценке следует, разумеется, учесть и то, что для П. С. Уваровой Д. Я. Самоквасов — давний член МАО, профессор, признанный методист, автор и Инструкции 1874 г., и отдельного пособия (Самоквасов 1878), а А. А. Спицын — член и сотрудник оппозиционной организации, ИАК. Но на самом деле истинно методическим пособием была как раз работа Спицына.

В результате прений была создана Комиссия в составе Д. Я. Самоквасова и В. А. Городцова для составления новой инструкции по полевым исследованиям, которую следовало подготовить к XIV съезду (Труды XIV АС: 99–111). К консультациям привлекались ведущие археологи того времени. Были выдвинуты методические положения, которые следовало включить в новую инструкцию. Это, прежде всего, поручение археологических раскопок только хорошо подготовленным лицам, имеющим практический опыт полевой работы под руководством опытного наставника. Э. Р. фон Штерн предложил также ограничить выдачу ОЛ при недостатке квалификации исследователя. Это было новинкой в системе регламентации. Но вместе с тем позиция Штерна полностью отражает отношение большинства представителей научной общественности к процессу раскопок: «Моя задача заключается не в том, чтобы написать руководство для производства раскопок, — я считаю это и бесполезным, потому что условия каждый раз так различны, что по шаблону действовать нельзя, а лишь в том, чтобы указать на трудность, серьезность и ответственность, сопряженные с ведением раскопок, и убедительно просить комиссию подготовить для следующего съезда доклад, который обратил бы настоящее внимание на вопрос об упорядочении дела раскопок у нас». Надо ли говорить о том, что для повышения качества полевых работ следовало именно писать инструкции, тем более что недостатки, по его же мнению, имели место «не по злому умыслу, а просто потому, что недостаточно выяснили себе эти основные научные требования».

В 1911 г. В. А. Городцов (Д. Я. Самоквасов к тому времени умер) подготовил инструкцию, но на XV Археологическом съезде специального обсуждения этого вопроса не было. Текст тоже не был издан ни в Трудах съезда, ни отдельно⁵. Таким образом, вопрос опять остался нерешенным.

Итоги. С 1889 г. начинает выработываться единый подход к полевой археологии в России и основную роль в этом играет механизм выдачи ОЛ. Но после 1874 г. общий, обязательный для всех лиц, занимающихся полевой археологией, инструктивный документ, одобренный археологической общественностью

⁵ В том же году независимо от съезда и МАО были изданы лекции В. А. Городцова по производству археологических раскопок, читанные им в Московском археологическом институте, позже переизданные в переработанном и дополненном виде (Городцов: 1911, 1914). До середины 30-х гг. XX в. пособия А. А. Спицына и В. А. Городцова были единственным подспорьем в освоении полевой методики.

и обязательный к применению, так и не появился⁶. Издавались не Положения и Инструкции, а обучающие пособия. Также до прихода советской власти законодательно не был решен вопрос об охране археологического и исторического наследия. Главные причины этого — частная собственность на землю, разобщенность действий различных ведомств, в той или иной мере ведающих памятниками, а также соперничество основных археологических учреждений того времени — ИАК и МАО. Последний аспект рассмотрим подробнее.

Лебедь, Рак и Щука. Именно с этими персонажами басни Крылова ассоциируются все участники процесса зарождения и становления регламентации полевых исследований в России. Отсутствие единства и, временами, преобладание личных амбиций потрясает. И государственные деятели в разных ведомствах, и административный орган в лице ИАК, и просвещенная научная и околону научная общественность — все дружно сетуют на разрушение и разграбление памятников, отсутствие надлежащего к ним отношения со стороны государства и населения, недостаточность развития музейного хранения, бесконтрольный вывоз находок за границу и прочие беды. И при этом — отсутствует какая-либо консолидация сил, которая и могла бы стать залогом успеха мер по спасению археологического наследия. Напротив, каждая из сторон, предпринимая свои усилия, как будто не хочет видеть другую. Главным образом это касается двух главных оппонентов — ИАК и МАО. Не вдаваясь в причины всем известного конфликта, приведем некоторые примеры.

1. О работе со Статистическими комитетами. В 1869 г. на I Археологическом съезде, созванном по инициативе МАО, обсуждался вопрос о том, «как велика может быть степень участия Статистических комитетов в археологических исследованиях» (Труды I АС: XV). В 1868 г. к этим учреждениям обратился Предварительный комитет съезда. Большинство их не откликнулось, что было воспринято как нежелание сотрудничать; на том вопрос и был закрыт. Но в 1862 г. уже имело место обращение ИАК в Центральный статистический комитет при МВД для привлечения губернских и областных статистических комитетов к собиранию материалов и картографированию памятников археологии. В ИАК была разработана «Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие Статистических комитетов». Центральный комитет разослал губернским администрациям циркуляр с приложением «Программы» (РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 13–14). На обращение ИАК очень многие комитеты отозвались и с 1863–1964 гг. успешно с ней сотрудничали. При этом целью было не только получение сведений, но и формирование общественного мнения по отношению к древностям, поскольку предполагалось широкое привлечение приходского духовенства, сотрудников образовательной системы, помещиков и других слоев населения. Такую задачу ставили перед собой и Общества, в том числе МАО. Да и данные о памятниках в регионах могли бы быть Обществам весьма полезны. Но ни МАО, образованное в 1864 г., ни иная общественность к работе со Статистическими комитетами не подключились.

⁶ Первый подобный документ, убогий по содержанию, но обязательный для всех археологов СССР, появился только в 1927 г. (Инструкция 1927).

2. Об исследовании памятников при строительстве железных дорог.

На том же I съезде был поставлен вопрос: «Какие средства следует предпринять, чтобы обеспечить успех как в отыскании, так и в сохранении означенных древностей?» (Труды I АС: XVII). Но подобные меры уже были предприняты ИАК! В том же 1862 г. она обратилась в Главное Управление Путей Сообщения и Публичных Зданий (впоследствии Министерство путей сообщения) и Инженерный Департамент с просьбой предоставлять сведения о предстоящем строительстве для предотвращения разрушения памятников археологии и своевременной организации археологических работ (РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–5). Результат: приказ по Министерству путей сообщения об обязательности археологического надзора, осуществляемого ИАК, и производстве раскопок в случае обнаружения находок, а также включении в договоры на строительство пунктов об охране археологических древностей, предоставление ИАК карт с проектами железных дорог. И эта информация была бы Обществам, в том числе и МАО, очень полезна, но контакт отсутствовал. Сотрудничество же ИАК с МПС успешно продолжалось.

Создается впечатление, что Общества были совершенно не в курсе работы ИАК, хотя в работе Предварительного комитета к I съезду участвовал ее представитель барон В. Г. Тизенгаузен. Сама же ИАК действовала исключительно по административной линии и не привлекала Общества, хотя они пользовались большим авторитетом. Даже сама идея сотрудничества напрочь отсутствовала.

3. Об инструкциях по производству полевых исследований. Это очень показательный пример. ИАК почти до конца века рассылала во всякие ведомства и прикладывала к ОЛ в качестве инструкции «Записку для обозрения русских древностей» (Записка 1851). Но существовала гораздо более содержательная Инструкция 1874 г., которую ИАК игнорировала, видимо, потому, что она была разработана и принята по инициативе МАО. Сама же ИАК не только не издала Положения об ОЛ (хотя после 1889 г. надо было бы постоянно доводить до широких кругов общественности новые правила проведения полевых работ), но и поступившее в ИАК в 1894 г. предложение А. А. Спицына написать инструкцию по полевым работам было встречено без особого энтузиазма. Спицын издал свои прекрасные пособия под грифом ИАК. Однако с ее стороны не предпринималось попыток сделать их обязательными. Это возможно было только через Археологические съезды, а ИАК не сотрудничала с их организатором — МАО.

Ожидать, что отношение к памятникам изменится к лучшему в обозримом будущем, было несколько наивно, поскольку власть сама относилась к ним не как к невосполнимому археологическому наследию, а как к собственности, которой можно распоряжаться как угодно. В 1872 г. директор Керченского музея Люценко сообщал в ИАК о приезде в Керчь царской четы. Императрица желала осмотреть находки сезона. А. Е. Люценко отобрал для показа лучшие. «Осмотрев привезенные вещи, государыня императрица нашла некоторые из них интересными, почему и соизволила оставить их у себя, прочие же вещи возвратить» (РА ИИМК. 1872. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 1). Судя по приложенной к отчету описи находок, речь идет об эксклюзивных античных золотых изделиях.

В данном случае была хотя бы надежда на сохранение этих древностей в Эрмитаже. Но власть даже при прямом вмешательстве не могла обеспечить охрану памятников. В 1874 г. А. Е. Люценко сообщил, что при постройке Керченской крепости на Ак-Бурунском мысе был скрыт курган с золотыми находками. Оставались еще 2 кургана, также мешавшие строительству. Председатель ИАК граф С. Г. Строганов лично ходатайствовал о допуске А. Е. Люценко для наблюдения за работами перед великим князем Николаем Николаевичем-старшим, главой инженерного ведомства. О предварительных раскопках речи не было, хотя ясно, что курганы не пустые и ценные, и находки из них предназначались бы для императорской коллекции. Великий князь распорядился допустить, уже найденные вещи велел передать в ИАК. Тем не менее один курган был снесен в отсутствие А. Е. Люценко, о чем он узнал случайно, направляясь на Тамань в экспедицию (РА ИИМК. 1874. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12).

Общие итоги. Рассмотрев ранний период становления регламентации полевых исследований, можно сделать ряд выводов.

1. Восприятие полевых работ как дела не только научного, но и государственного значения сыграло основную роль в становлении централизованной системы их регламентации в России (административная составляющая регламентации).

2. Указом 11 марта и решениями Сопровождающего 1889 г. было заложено система государственного контроля за археологическими исследованиями в масштабах огромной страны, благодаря которой удалось до 1917 г. хотя бы в какой-то степени приостановить варварское разрушение археологических памятников под видом научных раскопок. Ограниченность системы состояла в невозможности контроля над частными землями.

3. Было положено начало системе квалификационных оценок, необходимых для отсеивания плохо подготовленных исследователей (научная составляющая регламентации).

4. Именно регламентацией занималась ИАК (А. А. Спицын, Н. И. Веселовский). Положения к Сопровождающему 1889 г. лежат в основе современных правоустанавливающих документов до 2009 г.

5. Вопрос о методике значительной частью российского археологического сообщества в рассматриваемый период воспринимался как второстепенный. Считалось, что каждый сам сообразит, что и как делать, и имеет право выбирать способ раскопок. Это было губительно при частной собственности на землю и отсутствии хорошей методической базы, специального археологического образования и законодательных обязательств.

6. Лишь немногие ученые вышли на уровень обсуждения и улучшения методики (А. А. Спицын, Н. И. Веселовский, а также Э. Р. фон Штерн, Д. Я. Самоквасов, В. А. Городцов).

7. Принятию важных решений мешало соперничество МАО и ИАК — усилия не были консолидированы. В 1908 г. на XIV съезде А. В. Селиванов (Рязанская архивная комиссия) отметил, что методические огрехи продолжают, «несмотря на существование центрального учреждения, претендующего на высший контроль и наблюдение за всеми археологическими изысканиями в империи» (Труды XIV АС: 94). Он фактически упрекнул ИАК в отсутствии

нормативных распоряжений на эту тему. Это, конечно, справедливо. Но ввести их можно было только на съездах, которые ИАК игнорировала. В то же время с 1874 г. съезды новой инструкции и методических разработок не предлагали. Только в 1906 г. вопрос опять был поставлен на повестку дня.

Итак, система регламентации устанавливалась и приживалась трудно. В заключение приведем фрагмент речи Н. Н. Ардашева, представителя МАО и Московского археологического института на XV съезде (Труды XV АС: 14). «Прежде всего я понимаю сетования на рознь, разделяющую, бывает, многочисленную семью археологов... И если, тем не менее, она может существовать, вопреки желанию каждого, то, стало быть, есть к тому какая-то внешняя причина. Последнюю можно и должно усматривать именно в преобладании личных взглядов в области археологии вследствие неустановленности общих понятий, отсутствия твердых принципов». Это исключительно точная характеристика ситуации начала XX в. в российской полевой археологии.

Литература и архивные материалы

- Васильева Р. В.* 2000. Главное археологическое учреждение царской России. Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства 2. 177–187.
- Всероссийское археолого-этнографическое совещание. 1932 // СГАИМК (7–8). 1–6.
- Городцов В. А.* 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. Составлено С. И. Фляхом по лекциям В. А. Городцова. М.: Печатня С. П. Яковлева.
- Городцов В. А.* 1914. Руководство для археологических раскопок. М.: Московский археологический институт.
- Городцов В. А.* 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир 1. 1–20.
- Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5.10.1918. «Об учете, регистрации и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ, учреждений». 1918 // СУ (73). Ст. 794.
- Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7.01.1924. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». 1924 // СУ (18). Ст. 179.
- Записка для обозрения русских древностей. 1851. СПб.: Третья.
- Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). 2009. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических (палеознотологических) раскопок. 1927. М.: Главнаука.
- Охрана памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX в. Сборник документов. 1978. М.: Ротапринт.
- Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА 163. 26–32.
- Пескарева К. М., Владимирова Т. М.* 1980. Рукописные архивы Института археологии АН СССР // КСИА 163. 87–92.
- Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* 1984. Первое государственное учреждение отечественной археологии // СА 4. 299–307.
- Платонова Н. И.* 1989. Российская академия истории материальной культуры — этапы становления. 1918–1919 гг. // СА 4. 5–16.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников». 1934 // СУ (9). Ст. 52.
- Проект закона об охране древних памятников в России. 1911. М.: Типография Общества распространения полезных книг.

- РА ИИМК. 1851. Ф. 6. Д. 179.
РА ИИМК. 1856–1857. Ф. 14. Д. 6.
РА ИИМК. 1859. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26.
РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27.
РА ИИМК. 1872. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30.
РА ИИМК. 1874. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
РА ИИМК. 1887. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.
РА ИИМК. 1891. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200.
РА ИИМК. 1893. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200.
РА ИИМК. 1898. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295.
Самоквасов Д. Я. 1878. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского.
Самоквасов Д. Я. 1908. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М.: Синодальная типография.
Спицын А. А. 1895. Производство археологических раскопок. СПб.: Гл. управление уделов.
Спицын А. А. 1908. Археологические разведки. СПб.: ИАК.
Спицын А. А. 1910. Археологические раскопки. СПб.: ИАК.
Тихонов И. Л. 2008. Императорская Археологическая комиссия (1959–1918 гг.). К 150-летию создания // Х. А. Амирханов (ред.). Из истории отечественной археологии. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского университета. 13–65.
Труды I Археологического съезда. 1871. Т. I. М.: Синодальная типография.
Труды II Археологического съезда. 1876. Т. I. М.: Типография Императорской Академии наук.
Труды III Археологического съезда. 1978. Т. I. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира.
Труды XIV Археологического съезда. 1911. Т. III. М.: Типография Общества распространения полезных книг.
Труды XV Археологического съезда. 1911. Т. I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.
Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — сер. XIX в.). СПб.: Наука.